

Глава 5

Кунтин явился утром.

За кованой рамой окна звенели птичьи голоса, а сквозь щели в комнату просачивался сладкий аромат цветов.

Руки Цзянь Хуая казались произведением искусства: бледные, длинные пальцы с изящными суставами и аккуратными, чуть розоватыми ногтями. Он неподвижно держал их на коленях.

— Я не верю, что господин Кеннет мог пойти на такое, — в голосе Кунтина прозвучало напускное сострадание. — Всем известно, что Кеннет — честнейший торговец в Королевстве Западных Земель. Однако семья Эванс, второй по величине ювелирный дом, возглавляемый отцом госпожи Лилиан, представила Его Величеству партию украшений. Они утверждают, будто лавки господина Кеннета торгуют подделками.

Цзянь Хуай слушал молча.

— Эвансы заявляют, что Кеннет годами подменял благородные камни дешевыми стекляшками, крепя их на позолоченную латунь. Благодаря мастерству резчиков и безграничному доверию покупателей обман долго оставался незамеченным. Теперь же они заявляют о колоссальных убытках.

Спустя долгую паузу Цзянь Хуай спросил:

— Кроме Эвансов, есть еще те, кто свидетельствует против моего отца? — Он поднял взгляд, и его пронзительный взор остановился на лице гостя. — Например, вы, Эдгары?

— Нет, что ты, — Кунтин не сводил с него глаз. — Напротив, ради тебя, Нил, я делаю всё возможное, чтобы помочь господину Кеннету.

— Вот как? — безучастно отозвался Цзянь Хуай. — И каковы успехи?

Кунтин тяжело вздохнул.

— Стоило Эвансам предъявить доказательства, как мелкие лавочники один за другим начали заявлять, что тоже получали от Кеннета фальшивки. В одной из лавок даже нашли переписку между закупщиком и Челси, управляющим крупнейшим филиалом Кеннета на Хилл-авеню. В письмах четко указаны суммы сделок, проценты откатов и состав сплавов. Улики неоспоримы.

— Король не мог проигнорировать такое дело и приказал судебному ведомству начать расследование. Но хуже всего другое: когда следователи явились за Челси, тот был уже мертв.

В его доме, запечатанном стражей, нашли предсмертное письмо.

— В нем Челси признавался, что Кеннет долгое время удерживал его семью в заложниках, заставляя скрывать преступления. Управляющий понял, что знает слишком много, и Кеннет избавится от него как от ненужного свидетеля. Он решил излить душу на бумаге и оставил гроссбук с черной бухгалтерией, моля Его Величество спасти его родных.

Кунтин говорил медленно, смакуя каждую деталь.

— Люди короля без труда нашли семью Челси, — добавил Цзянь Хуай. — Но те, разумеется, тоже были уже мертвы?

Кунтин лишь кивнул.

Сюжет развивался как в дурном фарсе, но крыть было нечем. На главу Кеннета легло клеймо мошенника и убийцы, и его бросили в темницу судебного ведомства.

Цзянь Хуай лишь горько усмехнулся. Он сидел неподвижно, глядя в пол.

Внезапно Кунтин поднялся и в два шага оказался прямо перед ним. Он опустился на одно колено; узкие брюки сковывали движения, придавая позе некоторую натянутость. Он склонил голову; его лицо всегда казалось излишне дерзким.

Он коснулся щеки Цзянь Хуая грубыми пальцами, а затем медленно обхватил его лицо горячей ладонью, покрытой мозолями от бесконечных тренировок. Цзянь Хуай, привыкший к неге, болезненно ощутил эти шероховатости.

Кунтин осторожно заставил его поднять голову. Его горячее дыхание смешалось с дыханием юноши.

Цзянь Хуай посмотрел ему в глаза.

— Нил...

Обычно во взгляде Кунтина читались лишь высокомерие и насмешка. Но сейчас в его взгляде не осталось и тени наглости. Под длинными ресницами в его изумрудных глазах плескалась непривычная, пугающая нежность.

— Нил, позволь мне позаботиться о тебе. Я сделаю всё, чтобы ты был счастлив, и приложу все силы, чтобы спасти господина Кеннета.

[Ваш отец, глава Кеннет, брошен в тюрьму. Мать, госпожа Лилиан, оказалась под надзором собственной семьи. Поместью грозит разорение]

[Милый Нил, что ты выберешь?]

[Вариант 1: Принять чувства Кунтина]

[Вариант 2: Отвергнуть Кунтина]

После ухода Кунтина слуги, прослышавшие о беде, сбились в кучки, возбужденно шепчась, но стоило седовласому дворецкому прикрикнуть на них, как они разлетелись в разные стороны.

Цзянь Хуай сидел с идеально прямой спиной, а в ушах всё еще стоял гул чужих пересудов.

Дворецкой подошел к нему и тихо произнес:

— Молодой господин, всё не так плохо. Семья Кеннет годами твердо стояла на ногах, нас не так-то просто сокрушить.

— А что, если даже наши родичи хотят, чтобы отец пал?

Цзянь Хуай не знал, как долго зрело это дело. В последнее время отец был завален работой, и они почти не виделись. Удивительно, что в доме до сих пор царило спокойствие, словно ничего не произошло. Если бы не визит Кунтина, он, родной сын, даже не узнал бы об аресте отца.

— Соберитесь. Я нанесу визит дедушке и заберу маму домой.

Дворецкий поклонился и удалился выполнять поручение.

Солнце медленно взошло в зенит, безжалостно выжигая землю. Цзянь Хуай смотрел в окно, и в его глазах отражалась лишь пустая, безбрежная даль.

Он просидел так какое-то время, внезапно ощутив слабость. Встав, он глубоко вдохнул.

На сердце было тяжело.

Главное поместье Эванс располагалось вдали от шумного города, в тихом пригороде. Колеса кареты мерно стучали по дороге, дома вдоль пути встречались всё реже.

Цзянь Хуай отодвинул тяжелую, расшитую узорами штору. Вскоре впереди показалось Поместье Эванс. Солнечный свет дробился на острых шпилях башен, окутывая величественное здание золотистым сиянием.

Карета с фамильным гербом остановилась перед коваными воротами. Гвардейцы в карауле, завидев Цзянь Хуая, почтительно склонили головы. С тяжелым скрипом створки распахнулись.

Дед Цзянь Хуая, старый господин Эванс, был человеком суровым.

Его длинные, почти белые волосы были тщательно смазаны маслом и безупречно зачесаны назад. В мягком свете ламп его лицо, изрезанное морщинами, казалось неподвижной маской. Он привычно нахмурился, а сам пристально изучал внука льдисто-голубыми глазами. Каждая черточка его облика дышала строгостью.

Старик сидел в темной мантии, сложив на коленях руки, украшенные перстнем с огромным изумрудом.

— Дедушка.

Цзянь Хуай не выказал ни тени робости. Он спокойно поклонился, коснувшись рукой живота, и, дождавшись сухого кивка, выпрямился, словно натянутая струна.

— Я знаю, зачем ты пришел, — начал старый Эванс. — Сейчас твоей матери не стоит возвращаться к Кеннетам. В вашем доме царит хаос. Твой отец в тюрьме, а само имя Кеннет превратилось в кусок жирного мяса, который все мечтают урвать. Ни твоя хрупкая мать, ни ты — наивный наследник — не сможете справиться с этой бедой.

Было видно, что старик не намерен тратить время на пустую болтовню. Он небрежно махнул рукой, предлагая внуку сесть, и сразу перешел к сути.

Цзянь Хуай поднял голову, встречая резкий взгляд деда. На фоне иссиня-черных волос его кожа казалась мертвенно-бледной.

— Значит, ваш совет — сидеть сложа руки? — негромко спросил он. — Смотреть, как отца казнят, как семью раздирают на части, и надеяться на милость великих домов? Ждать, не подбросят ли нам с матерью объедки с вашего стола из чувства приличия?

— Нил, я не раз говорил твоим родителям, что их слепая любовь не доведет до добра, — отрезал старик. — Как наследник ты совершенно никчем. Тебе не удержать богатство Кеннетов.

В глазах деда Цзянь Хуай был лишь беспомощной жертвой, неспособной нести бремя ответственности. Хищники не боялись бы такого юноши — они бы разорвали его в клочья.

— Так вот почему вы решили убрать моего отца? — ледяным тоном произнес Цзянь Хуай. — Ведь если его не станет, богатства Кеннетов разделят Эвансы и Эдгары, а наши нищие родственники смогут поживиться крохами? Так ведь, мой дорогой дедушка?

Эванс сжал губы.

— Это всего лишь правила большой игры, — холодно ответил он. — Даже если Кеннеты падут, Лилиан останется моей дочерью, а ты — моим внуком. Я обеспечу вам безбедную, роскошную жизнь, к которой вы привыкли. И Нил, не забывай: ты стоишь здесь и смеешь задавать мне вопросы только благодаря своей крови.

Когда беседа зашла в тупик, старик властным жестом велел внуку уйти. В глубине его глаз зажегся недобрый огонь.

— Нил, обдумывай каждый свой шаг. Не делай глупостей. Твоя неосмотрительность может разрушить долгие планы и обрушить всех нас в бездну.

Несмотря на отказ отдать мать, старик не был настолько жестоким, чтобы запретить им видеться.

Когда Цзянь Хуай толкнул тяжелую дверь из темного дерева, Лилиан уже ждала его в коридоре. Услышав звук, она повернулась. Она посмотрела на него ярко-синими глазами, полными слез.

Стоило госпоже Лилиан обнять сына, как он почувствовал знакомый, успокаивающий аромат её духов.

В этот миг Цзянь Хуай ощутил странную растерянность. Он чувствовал её безмерную печаль, но не знал, как утешить. Он лишь осторожно обнял её за хрупкие плечи и слушал, как она всхлипывает, всё сильнее прижимаясь к нему.

— Нил, мой Нил... — Лилиан уткнулась лицом в его шею, и горячие слезы обожгли кожу.

Цзянь Хуай стоял в этом роскошном коридоре, устланном мягкими коврами, прижимая к себе мать, и он смотрел в пустоту отсутствующим взглядом. Ему было душно.

И давило не осознание собственного бессилия, а пугающее спокойствие внутри.

Цзянь Хуай почувствовал укол отвращения к самому себе. Он спрашивал: «Неужели я совсем лишен сердца?» Почему, видя горе матери и зная о беде отца, он не чувствовал ничего, кроме глухой, свинцовой тяжести? Где боль? Где отчаяние?

Ему вспомнились строки:

Он — одиночка.

Мир не принимает его.

В нем нет любви и ненависти, радости и печали.

Он — сама Пустота.

Ему давно следовало исчезнуть.

Ему не место в этом суетном мире.

<http://bllate.org/book/17462/1692535>